

ТВОРЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО И ПРОБЛЕМА «ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО («ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ», «ИДИОТ»)

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского¹*

Поступила в редакцию 23 июля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается влияние духовного наследия святителя Тихона Задонского на становление мировоззрения, идейного содержания и решение проблемы положительного героя в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот». Утверждается, что «положительно прекрасный» человек в понимании писателя — это православный христианин, отдающий всего себя на служение ближним, совершающий подвиг самопожертвования ради братьев и сестер во Христе.

Ключевые слова: Тихон Задонский, Достоевский, положительный герой, художественная аксиология, художественная антропология, богословие, благодать, смирение, терпение, кротость.

Abstract: the article examines the influence of the spiritual heritage of St. Tikhon of Zadonsk on the formation of the worldview, the ideological content and the solution of the problem of a positive hero in the novels of F. M. Dostoevsky "Crime and Punishment" and "The Idiot". It is stated that a "positively beautiful" person in the writer's understanding is an Orthodox Christian who gives himself completely to serve his neighbors, performing a feat of self-sacrifice for the sake of brothers and sisters in Christ.

Keywords: Tikhon of Zadonsk, Dostoevsky, positive hero, artistic axiology, artistic anthropology, theology, grace, humility, patience, meekness.

Вся жизнь великого Задонского Святителя Тихона была борьбой за истинное Православие. Начиная с воронежского периода своей деятельности, когда он столкнулся с полуязыческим народом глубинной центральной России, свт. Тихон неустанно просвещал крещеных русских людей, которые были только по названию христианами, а сами утопали в грубейших суевериях, восходящих к разного рода магическим культам. Перед свт. Тихоном стояла сложная задача: вернуть паству к первоначальной чистоте Православия, при этом найти такой язык общения, который был бы прост, понятен и развивался бы в рамках диалога, а не только дидактических наставлений, назидательных монологов и проповедей. Перечитывая сегодня творения свт. Тихона Задонского, удивляешься тому поистине виртуозному мастерству, с которым русский богослов выполнил эту задачу: сочетая библейские тексты и собственное авторское слово. К сожалению, проблема стиливого своеобразия творений свт. Тихона не только не разработана, но даже

не поставлена в рамках междисциплинарных исследований. Она предполагает целый комплекс работ, которые бы представили во всей полноте не только богословскую, но и языковую личность святителя. Однако обратиться к решению этой проблемы можно будет только при условии погружения в контекст разнообразных влияний наследия свт. Тихона на последующую русскую литературу как XIX–XX веков, так и современную.

В данной статье речь пойдет о двух великанах духа, которые надолго, если не навсегда, определили вектор развития русской словесности. Нельзя сказать, чтобы тема влияния свт. Тихона на творчество, личность и мировоззрение Ф. М. Достоевского не попадала в поле зрения исследователей. Наоборот, об этом пишут практически все ученые, так или иначе соприкасающиеся с анализом их текстов. Однако тема далеко не исчерпана, каждая эпоха расставляет свои акценты в интерпретации творческих связей первого русского духовного писателя — свт. Тихона, и вершинного достижения «золотого» века русской литературы — «пятикнижия» Ф. М. Достоевского.

Наше время во многом напоминает смутное. Огромное количество ложных учений и направлений развития мысли, в том числе и под видом христианства, проникает в наше духовное поле. Тема «моды» на духовные запросы человека стала рядо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44191 «Наследие святителя Тихона Задонского и формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве»

вым явлением в современной общественной жизни. Оживление, реанимация якобы древнего язычества и активное насаждение неоязыческих культов — вот примета начала XXI века. Именно этот искусительный момент сближает современность с XVIII и XIX вв. Только в XXI веке это приобрело качества грамотно организованных «проектов» Запада по блокировке «Святой Руси». Актуальность поставленного вопроса о значении возвращения современного человека к святоотеческим трудам, в частности наследию свт. Тихона, и к осмыслению творчества Достоевского в юбилейном году на новом этапе не вызывает сомнений.

Свт. Тихон Задонский в своем труде «Сокровище духовное» так определил доминанту национального самосознания русского человека: в центре его веры и духовного мира находится Спаситель Иисус Христос. В концептуальной главе, открывающей книгу и названной «Солнце», мы читаем следующее:

«Прежде восхождения солнца тьма и ночь пребывает, но как солнце взойдет, тьма отступает, и свет воссияет. Тако до пришествия Христова, иже есть Солнце праведное, тьма всю вселенную покрывала и ночь глубокая была; но как сие светлейшее воссияло Солнце, и свои теплейшие лучи на всю вселенную испустило, благоприятнейший и сладчайший душам нашим воссиял свет» [1, 2].

Данный фрагмент, как и вся книга святителя, выдержан в стилистике библейской символики и параллелизма. Далее его мысль движется в направлении различения Добра и зла, которое может дать только христианское учение:

«Когда солнце сияет на небеси, все ясно бывает; всяк видит путь, по которому надо идти, и куда идти, что делать и чего уклоняться; видит, распознает одну вещь от другой, и полезное от вредного, и пр. ... Тако в душе бывает, которую Христос — Солнце праведное просветит. Таковая душа все ясно видит, познает прелесть и суету мира сего, познает добро и зло, порок и добродетель, вред и пользу, путь к погибели и путь к вечному животу ведущий, исходящий на дела Богу угодная и себе полезная. Таковой душе сладко слово Божие, якоже сам Бог... Блаженна есть таковая душа, которую озарит Свет» [1, 3].

Однако в истории человечества грехи падшего мира затуманивают Свет Истины, и в своих рассуждениях свт. Тихон стремится поставить диагноз современного ему духовного состояния человека, который постоянно отпадает от Света и предпочитает земное суетное существование. Удивления достойно, пишет святитель, не то, что язычники, «не имеющие упования, в такой суете запутались; а то, что христиане, позванные к вечному животу и вечным благам, о которых всегда слышат во Евангелии, делают тое» [1, 3].

Определив болезнь, свт. Тихон рассматривает и пути выхода из кризисного состояния души, пути

духовного оздоровления. Он выделяет пять направлений восхождения к духовному совершенству:

1) познание человеком собственной немощи (здесь свт. Тихон использует для иллюстрации образ «иссохшего дерева» — бесплодного, нераскаянного грешника);

2) плодом выполнения первой заповеди является смирение, которое бездонно и безгранично, поскольку ориентировано на жертвенный подвиг Христа, Который смирил Себя до смерти и смерти крестной;

3) признание всякого доброго дела не своим и славу его — не человеческим, а Божьим делом;

4) абсолютное доверие Господу, выраженное в молитве Псалмопевца: «Не остави меня, Господи, не отступи от мене; вонми в помощь мою, Господь спасения моего».

Пятое направление духовной жизни настолько ярко и выразительно представлено в книге Святителя, что мы приводим его дословно: «Когда посылает тебе Бог напасть, скорбь и печаль, то хочет исправить тя, и древом плодовитым сотворити тя: потерпи убо Господу твоему, якоже терпиши врачу, горьким лекарством пользующему тебе. Горькое лекарство — плоти скорбь и печаль, но сим душа болящая исцеляется» [1, 5].

Следование указанным направлениям нравственно исцеляет человека от многообразных недугов и делает его крепким, бодрым, способным к возрастанию по лестнице духовного восхождения, где верхняя ступень соединяет небо и землю, она — совершенная христианская любовь, которая определяется как жертвенное служение ближнему.

Если мы обратимся к творчеству Достоевского, который неоднократно указывал на сильнейшее воздействие на него трудов и личности свт. Тихона, то мы обнаружим уже в романе «Преступление и наказание» такой образ христианки, которая стяжала в себе дух Христов. Это Соня Мармеладова. На фоне «героев времени» типа Онегина, Печорина, Костанжогло, Базарова, Штольца, Рахметова и др. (а это все типы русской классики) засиял образ «положительно прекрасного человека», детально разработанный и данный в контексте традиционных представлений о русской праведности.

Достоевский писал о романе «Преступление и наказание»: «Идея романа. Православное воззрение; в чем есть Православие? Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Человек заслуживает свое счастье и всегда страданием» [2, 343]. Исповедуя христианскую антропологию и аксиологию, писатель выстраивает противостояние атеиста, одержимого новейшими веяниями о сверхчеловеке как главном действующем лице истории, и христианки, которая не только спасает семью от голода, но и просвещает безбожника, чтобы спасти его душу от сатанинской сети. И с Божией помощью она в этом преуспевает.

Большое место в структуре романа занимают диалоги Сони и Раскольникова, где сталкиваются взаимоисключающие позиции. Влияние трудов свт. Тихона на эту важнейшую часть романа несомненно. Анализ двух ключевых диалогов героев показывает следующее: Соня поражает Раскольникова своим абсолютным доверием Богу. Приведем этот фрагмент:

«— С Полечкой, наверно, то же самое будет,— сказал он вдруг.

— Нет! нет! Не может быть, нет! — как отчаянная, громко вскрикнула Соня, как будто ее вдруг ножом ранили.— Бог, Бог такого ужаса не допустит!..

— Других же допускает.

— Нет, нет! Ее Бог защитит, Бог!..— повторила она, не помня себя.

— Да, может, и Бога-то совсем нет,— с каким-то даже злорадством ответил Раскольников, засмеялся и посмотрел на нее» [3, 303].

Зададимся вопросом: если Бога нет, то зачем же тогда герою читать Его слово, Евангелие о воскрешении Лазаря? Однако Раскольникову совершенно необходимо услышать Его именно сейчас, хотя «глупого торжества» Сони над собой он не приемлет. Да ведь «глупого торжества» Сони нет и в помине. Сам Раскольников утверждает, что Соня считает себя «ни за что». А это показатель еще одной черты христианина — смирения, которое и лежит в основе восприятия Соней Евангелия. Как бы низко ни падал порой человек, но если сознание своей греховности, недостойности, порочности рождает в душе сокрушение, то душа недалеко отстоит от воскресения. Четверодневный смердящий Лазарь символизирует все человечество, в том числе и Соню, и Раскольникова, и всех грешников: «Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением великой книги» [3, 310].

Соня верует не в свои силы и даже не в возможность своей самоотверженной любви, а в Божий Промысел, который способен сотворить чудо с душой человека: невозможное человеку возможно Богу. Именно познание своей немощи и рождает, по свт. Тихону, творческую силу смирения, на которой зиждется православный мир.

Во втором диалоге Раскольников искушает Соню вопросом о справедливости. Кто достоин остаться существовать на свете: негодяй Лужин или страдалица Катерина Ивановна? Соня должна ответить на вопрос, как бы она решила, кому из них умереть. Ответ Сони совершенно согласуется с духом евангельского учения:

«— Да ведь я Божьего Промысла знать не могу... И к чему вы спрашиваете, чего нельзя спрашивать? К чему такие пустые вопросы? Как может случиться, чтоб это от моего решения зависело? И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» [3, 386].

Ответ Сони вскрывает всю пустоту атеизма, так как именно заповедь неосуждения ближних помогает человечеству существовать, не уничтожая себе подобных. Признание Раскольникова в убийстве вызывает у Сони такой всплеск сострадания, что она бросается перед ним на колени. Атеист поражен: одно движение души истинной христианки совершает чудо:

«Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло в его душу и разом размягло ее. Он не сопротивлялся ему: две слезы выкатились из его глаз и повисли на ресницах» [3, 390].

Это же чувство еще раз размягчит сердце Раскольникова, когда Соня определит главное в его состоянии: муки совести. После исповеди перед Соней он задает вопрос: что делать?

«— Что делать! — воскликнула она, вдруг соскочив с места, и глаза ее, доселе полные слез, вдруг засверкали.— Встань!.. Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: «Я убил!» Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» [3, 398].

Когда Соня обращается к Раскольникову с призывом «встать и идти», речь идет не только о публичном признании своего преступления. Соня опирается на святоотеческую мудрость, которая определяет законы и процессы духовной жизни: человек падает через грех и восстает через покаяние. Вся жизнь человека подчиняется этому пути восхождения к свету Истины: через падение и восстание. В совете Сони Раскольникову восстановить оборванные связи с Богом и людьми отчетливо прочитывается мысль свт. Тихона о целебности страдания: «Горькое лекарство — плоти скорбь и печаль, но сим душа болящая исцеляется. “Убо потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа”» [1, 5].

Соня убеждена:

«— Страдание принять и искупить себя им, вот что надо» [3, 398].

Понести страдание поможет Тот, Кто Своей праведной смертью на кресте искупил от вечной гибели все человечество. Так в романе возникает мотив крестоношения как смысла жизни каждого человека. Соня разделяет с Раскольниковым его крест, тем самым поднимаясь к вершинам жертвенной христианской любви.

«— Есть на тебе крест? — вдруг неожиданно спросила она, точно вдруг вспомнила.

Он сначала не понял вопроса.

— Нет, ведь нет? На, возьми вот этот, кипарисный. У меня другой остался, медный, Лизаветин. Мы с Лизаветой крестами поменялись, она мне свой крест, а я ей свой образец дала. Я теперь Лизаветин стану носить, а этот тебе. Возьми... ведь мой! Ведь мой! — упрашивала она.— Вместе ведь страдать пойдем, вместе и крест понесем!..» [3, 400].

Однако даже страдание может стать бесплодным, что и случилось в начале каторги с Раскольниковым. Проблема эпилога «Преступления и наказания» до сих пор вызывает горячие дискуссии. Причем амплитуда высказываний по этому поводу подчас поражает своим откровенным «отлетом» от авторского текста. Так, в одном случае утверждается, что убийца в принципе не способен к покаянию и преображению. Но ведь в эпилоге автор подчеркивает, что герой «воскрес». Напомним, что в Евангелии первым в рай попадает покаявшийся разбойник, сказавший: «Достойное по делам нашим приемлем. Помняи мя, Господи, егда приидеши, во Царствии Твоем». И ответ Господа: «Ныне же будеши со мною в раи». Следовательно, воскресение к новой жизни возможно для каждого человека, в том числе и для того, совесть которого отягощена смертными грехами.

В другом случае утверждается следующее:

«Не просто старуху-процентщицу он убивает, он заносит две руки “над зимним ссохшимся черепом Капитала... Раскольников раскалывает голову капиталистической старухе...” Он “несет топор востока. Топор восходящего Солнца, топор Свободы и Новой Зари”».

«Роман должен был закончиться триумфально, полным оправданием Раскольникова; преступление Раскольникова является наказанием для процентщицы. Объявлена эра топора пролетарской революции. Но Порфирий подло подтасовывает факты и заводит Раскольникова в лабиринт сомнений, переживаний, душевных терзаний. Он не просто стремится посадить Родиона, но ищет подавить его духовно. С этой сволочью надо было бы поступить так же, как со старухой» [4, 28].

В таком случае, по логике автора статьи А. Дугина, Раскольников и с Соней должен был бы поступить, как с Лизаветой. Чтобы избежать подобных кричащих противоречий, которые, заметим, пагубно влияют на умы юношества, обратимся вновь к позиции Задонского светильника, которую он зафиксировал в главе «Преступники и им радостная весть». Масса переключек обнаруживается в эпилоге романа Достоевского с трудом «Сокровище духовное». Свт. Тихон развивает евангельскую идею милосердия к несчастным заблудшим, преступившим Божии заповеди. Он предпочитает видеть в них искаженный, изуродованный, но все-таки образ Божий «вплоть до их смертного часа». Это соответствует мнению святых отцов о том, что душа человека по природе христианка. Святитель пишет: «Мы с праотцем нашим Адамом вси пред Богом, Царем небесным, согрешили, и из рая в мир сей, аки в заточение и ссылку, посланы. Христос, Сын Божий, великого совета Ангел, пришел к нам изгнанным и осужденным, и принес пресладкую от небесного Своего Отца весть, и объявил нам, что Бог прощает нас, и паки в милость Свою приемлет... Не бойся, не отчаявайся, бедный греш-

ниче! Христос Сын Бога живаго, Царь и Царя небесного Сын возлюбленный и едиnorodный, от Отца Своего небесного посланный, пришел тебя спасти и в небесное Свое царствие привести... Прииде Сын Божий грешники спасти, не такие и такие, а всякие, какие бы они ни были; только бы покаяться и веровали в пришедшего грешники спасти Иисуса Христа: и рай им отверзется рукою на кресте распятого Христа. — Покайся убо и ты, грешниче, и веруй в святое и сладчайшее Евангелие сие, и без сумнений внидеши с разбойником в рай» [1, 18].

Эпилог «Преступления и наказания» представляется нам вариациями на темы только что приведенных евангельских строк, интерпретированных свт. Тихоном.

Раскольников предполагал, что на каторге Соня «замучит» его религией. Однако этого не случилось: Соня просто разделила беду другого, близкого ей человека. Ее полюбили каторжане, потому что она помогала не только одному Раскольникову. Автор многозначительно замечает, что к ней «ходили даже лечиться». Но чудо раскаяния произошло не сразу, герой должен был выстрадать его.

«Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени...

Они хотели говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [3, 518].

Не только вещий сон о трихинах, но и благодать Божия, коснувшаяся сердца преступника, вдруг делает из Савла Павла. Герой находится на пороге перерождения.

«Да и что такое эти все, все муки прошлого! Все, даже преступление его, даже приговор и ссылка, казались ему теперь, в первом порыве, каким-то внешним, странным, как бы даже и не с ним случившимся фактом... Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое.

Под подушкой его лежало Евангелие» [3, 519].

Итак, новая жизнь, воскресение души, преобразование человека по заветам Иисуса Христа, предстоящий подвиг веры дают герою надежду на духовное выздоровление, на выпрямление пути восхождения к Истине, в основе которого лежит жертвенная любовь Сони, полагающей свою жизнь «за други своя».

Образ «положительно прекрасного человека» — истинного христианина — находится в центре и второго романа из цикла «Пятикнижие» — «Идиота». Роман, казалось бы, исследован вдоль и поперек, однако его связи с трудом свт. Тихона «Сокровище духовное» представляются недостаточно выявлен-

ными. Остановимся на наиболее выпуклых моментах этих отношений. Евангельская тема братства всех людей во Христе — сквозная в романе Достоевского. Ее истоки и корни видятся нам в главе «Я не брат твой!» из вышеприведенной книги Святителя. Она написана так ярко, горячо и убедительно, что Достоевский не мог не отразить и не развить ее содержание в структуре своих художественных текстов. Свт. Тихон утверждает: «Слышим, что один другому слово сие говорит: я-де не твой брат. Чудно, что человек человеку говорит, но не стыдится говорить: я-де не твой брат!» [1, 367].

Глава построена, как обычно, по типу диалога с читателем, где задаются вопросы, приводятся возможные ответы, вплетаются обращения и цитаты из Библии, и все это оживотворяется глубоко личным отношением свт. Тихона к поставленной проблеме, которая является краеугольной в христианском учении: твой ближний — брат или сестра во Христе.

«Не тот добр, кто себя называет добрым, но тот, кто добро творит, и кого Бог, праведный Судия, похвалит. Посмотри на гробы мертвых и увидишь, что и ты брат всякому человеку. Вы же (князи, вельможи, славнии, благородные, господа, богатые и вси высокие, яко бози в мире почитаемые) “яко человецы умираете”. Осмотритесь убо, возлюбленне, что и ты человек такой-жде, как и прочие, что день рождения и смерти показывает тебе, и, отложивши гордость, возлюби смирение Христово; тогда будешь всякого человека, и самого подлейшего, братом своим называть», — пишет Святитель [1, 368].

Эта идея братства реализуется в романе Достоевского с первых же строк повествования. Два молодых человека по дороге в Петербург знакомятся и сразу чувствуют взаимное тяготение друг ко другу. Рогожин в простоте душевной заявляет: «Князь, неизвестно мне, за что я тебя полюбил...» Далее он обещает Мышкину реальную помощь, поскольку у того нет почти ни копейки: кунью шубу, фрак «первейший», жилетку белую, полные карманы денег и... визит к Настасье Филипповне. Мышкин отвечает ему взаимностью: «Потому, я вам скажу откровенно, вы мне сами очень понравились, и особенно когда про подвески бриллиантовые рассказывали» [6, 15]. На вопрос о женском поле князь признается, что по болезням женщин не знает («невинен»).

«— Ну, коль так, — воскликнул Рогожин, — совсем ты, князь, выходит, юродивый, и таких, как ты, Бог любит!» [6, 16].

Тема юродства — сквозная у Достоевского. В романе «Преступление и наказание» Раскольников юродивой называет Соню. Разумеется, в строгом, церковном смысле положительные герои Достоевского не являются юродивыми, но они так воспринимаются обществом. Князь Мышкин, возвращаясь в Россию, попадает в совершенно языческую среду: Тоцкий определяет себя «закоренелым сластолюб-

цем», Ганя Иволгин мечтает о несметном богатстве, которое позволит ему стать «королем иудейским». Данные примеры легко умножить, при этом герои светской среды даже не знают или не помнят о таком понятии, как греховное служение собственным идолам — страстям.

Свт. Тихон о феномене юродства писал следующее: «Вам посмеивается, вас унижает и ругает мир, но души ваши честны суть у Бога; вас осуждает мир, но оправдает вас Бог; вас проклинает мир, но благословляет вас Бог... Вас извергает мир как непотребных, но приемлет Бог. Поминайте, что Христос, глава наша и Господь славы, презрен, уничижен, посмеян и поруган был от злаго мира» [5, 1175].

Завязавшаяся дружба между Рогожиным и Мышкиным испытывается самым сильным средством на прочность: оба полюбили одну женщину. В романе ставится центральный вопрос бытия человека: может ли христианин пожертвовать ради ближнего своим счастьем? Вопрос жертвенной христианской любви — центральный прежде всего для князя, Рогожина и Настасьи Филипповны. Неотмирность князя делает его прозорливцем: он знает с самого начала, что Рогожин убьет Настасью Филипповну. И он кладет свою жизнь на то, чтобы спасти ее от гибели, даже когда любовь к ней сменилась жалостью. Достоевский характеризует свою героиню как «вполне русскую женщину»: она любила Божиих людей и юродивых. Настасья Филипповна убеждена, что не может составить счастье князя, потому что он невинен, как ребенок, а она считает себя порочной и не верит в собственное воскресение. Именно маловерие или искажение веры, а не только гордыня, делают невозможным брак Настасьи Филипповны и князя Мышкина. Но ее любовь к нему истинна, так как она хочет пожертвовать собой ради счастья Мышкина и Аглаи. Эта попытка жертвенной любви возвышает Настасью Филипповну над другими женскими образами романа. Ее письма к сопернице преисполнены попытки смирения или даже юродства (неслучайно князь убежден, что она «безумна»). В одном из писем Настасья Филипповна упоминает о «своей» картине, своем видении Спасителя: «Христа пишут живописцы по евангельским сказаниям; я бы написала иначе: я бы изобразила Его одного, — оставляли же Его иногда ученики одного. Я оставила бы с Ним только одного маленького ребенка. Ребенок играл подле Него; может быть, рассказывал Ему что-нибудь на своем детском языке, Христос его слушал, но теперь задумался; рука Его невольно, забывчиво осталась на светлой головке ребенка. Он смотрит в даль, в горизонт; мысль, великая, как весь мир, покоится в Его взгляде; лицо грустное. Ребенок задумался, облокотился на Его колена и, подперши ручкой щеку, поднял голову и задумчиво, как дети иногда задумываются, пристально на Него смотрит. Солнце заходит... Вот моя картина!» [6, 457].

Настасья Филипповна относится к Аглае, как к «сестре во Христе». Отсюда такое откровенное признание о самом дорогом в ее сердце, ведь героиня в этом ребенке «вспоминает» саму себя, а в Аглае видит ее главное качество — «невинность как совершенство». Судьба самой Настасьи Филипповны, поруганная и растоптанная в детстве, должна быть принесена в жертву ради брака соперницы и любимого человека. Банальный любовный треугольник наполняется у Достоевского высшим христианским смыслом: попыткой жертвы ради ближнего. Причем самой дорогой жертвы.

Есть такая попытка и в сюжетной линии Рогожина. У него тоже «своя» картина о Христе, но это копия полотна Ганса Гольбейна, изображающего Спасителя, снятого с креста. Общеизвестна мысль Достоевского о том, что при восприятии ее «вера может пропасть». Диалоги князя Мышкина и Рогожина в этой ситуации представляются нам ключевыми в развитии темы братства всех людей.

Рогожин задает Мышкину вопрос о том, верит ли он в Бога. Ответ князя выдержан в духе рассуждений на тему главы из книги свт. Тихона «Ты не мой брат». Православие, как известно, не доказывается, а показывается. Князь Мышкин отвечает Рогожину аллегорически, постепенно подводя через житейские истории к сути проблемы. Достоевский дает своему герою возможность развить метод свт. Тихона, изложенный и зафиксированный в книге «Сокровище духовное, от мира собираемое». Мышкин рассказывает Рогожину несколько бытовых историй, которые должны показать или даже символически воплотить разные грани отношения русского народа к Богу. Одна из них — история о солдате, продавшем свой нателный крест князю. Крест был не серебряный, а оловянный, и солдат был очень доволен, что надул глупого барина. Со стороны князя следует совершенно неожиданная реакция: он не осуждает простого человека, как будто бы отказавшегося от Христа, от крестоношения. У героев Достоевского человек всегда существует в связи с другим человеком, своим ближним. И далее следует история о бабе-простолудинке, которая впервые увидела на лице своего ребенка улыбку. Она благоговейно перекрестилась и на вопрос князя ответила так: «...Такая же точно бывает и у Бога радость всякий раз, когда Он с неба завидит, что грешник перед Ним от всего сердца на молитву становится» [6, 222].

Мышкин находит в ее высказывании истинно религиозную мысль, «такую мысль, в которой вся сущность христианства разом выразилась, то есть все понятие о Боге как о нашем родном Отце и о радости Бога на человека, как отца на свое родное дитя, — главнейшая мысль Христова! Простая баба! Правда, мать... и, кто знает, может, эта баба женой тому же солдату была» [6, 222]. Мышкин заключает: сущность религиозного чувства ни под какие рассужде-

ния и даже проступки и преступления не подходит. И особенно ощутимо это в русском сердце и русской вере. Она живет в народе таинственным образом и сохраняет его как соборное целое, где «все за всех виноваты». К возрождению способен даже самый окаянный грешник, в этом — надежда: «Есть, что делать, Парфен! Есть, что делать на нашем русском свете, верь мне!» [6, 222–223].

Вера самого Мышкина пробуждает в сердце Рогожина ответное чувство: он предлагает поменяться крестами, т.е. побрататься. Рогожин ведет названного брата к матери за благословением: «Благослови его, мать, как бы ты родного сына благословила». Свет в душе Рогожина достигает своего апогея: он «уступает» ему самое дорогое — Настасью Филипповну:

«– Так бери же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю! Помни Рогожина!» [6, 224].

Сам Достоевский называл себя реалистом в высшем смысле этого слова, т.е. метафизиком. В данном случае он показывает, что Рогожину не суждено было мгновенно переродиться. Свет в его душе соседствует с мрачными адскими безднами целиком поглотившей его страсти. Самостоятельно он не может преодолеть дьявольского соблазна избавиться от соперника. Поэтому после всего каскада возвышенных переживаний братского общения он совершает «подлейшую» (выражение свт. Тихона) попытку убить князя. Достоевский часто говаривал устами своих героев, что в русском человеке уживаются одновременно две прямо противоположных идеи. Свет и тьма, самоотверженность и жестокость, добро и зло заставляют двоиться сознание и душу человека, находящегося перед нравственным выбором. Без помощи матери-Церкви преодолеть это состояние невозможно. И только князю, «положительно прекрасному» герою-христианину, оказалось под силу это преодоление реальным и органичным делом. Мы имеем в виду кульминацию романа, где Аглая и Настасья Филипповна выясняют отношения. Князь знает, что он любит свою невесту Аглаю, но он не мог построить счастье на трагедии когда-то любимой женщины.

Весь полилог героев исполнен таких многозначных смыслов, получивших самые разнообразные трактовки в критике, что не повториться было бы весьма сложно. Отметим только одну деталь, которая вписывается в то понимание христианского подвига и любви, которое представлено в творениях свт. Тихона. Любовь-жалость и любовь-сострадание способны подавить в личности главное — гордость и самолюбие. Жертвенный подвиг князя в том и состоит, что чужое страдание для него давно стало его собственным. «Он только видел пред собой отчаянное, безумное лицо, от которого... у него “пронзено навсегда сердце”. Он не мог более вынести и с любовью и упреком обратился к Аглае, указывая на Настасью Филипповну:

— Разве это возможно! Ведь она... такая несчастная!» [6, 572].

Сострадание униженным и оскорбленным — общая черта мировоззрения Достоевского и свт. Тихона Задонского. Но вдохновенный фрагмент о братстве свт. Тихона, который мы анализировали в данной статье, подвиг писателя на совершенно необыкновенный финал, ради которого, как признавался Достоевский, и было написано его произведение. Ведь Рогожин, убив любимую женщину, совершил «подлейшее» преступление. Он зарезал доверившегося ему человека во время сна, беззащитного, беспомощного, духовно и душевно больного. Но христианское всепрощение не изменяет Мышкину, в этом «подлейшем» Рогожине он продолжает видеть несчастного, заблудшего, окаянного брата: «Князь смотрел и ждал; время шло, начинало светать. Рогожин изредка и вдруг начинал иногда бормотать, громко, резко и бессвязно; начинал вскрикивать и смеяться; князь протягивал к нему тогда свою дрожащую руку и тихо дотрагивался до его головы, до его волос, гладил их и гладил его щеки... больше он ничего не мог сделать!.. Между тем совсем рассвело; наконец, он прилег на подушку, как бы совсем в бессилии и в отчаянии, и прижался своим лицом к бледному и неподвижному лицу Рогожина; слезы текли из его глаз на щеки Рогожина, но, может быть, он уж и не слышал тогда собственных слез и уже не знал ничего о них...» [6, 612].

Создание образа положительного героя всегда представляет большую сложность для писателя. В романе «Идиот» Достоевский воссоздал образ истинного христианина, которого отличали качества

православного верующего человека: благородное простодушие, безграничная доверчивость и абсолютное всепрощение. На духовные истоки своего создания указал сам автор «Идиота»: «А кстати: многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать? Некогда, что ли? Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи» [7, 49].

В заключение хочется подчеркнуть, что завет величайшего русского писателя о величайшем же русском святом звучит сегодня не менее актуально, чем полтора века назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Сокровище духовное. — М.: Русский духовный центр, 1994. — 400 с.
2. Цит. по: Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 5-ти частях. Ч. III. — М.: Христианская литература, 1997. — 576 с.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 5. — Л.: Наука, 1989. — 573 с.
4. Цит. по: Айзерман Л. Достоевский профильный и непрофильный // Литература в школе. — 2012. — № 8. — С. 26–30.
5. Иоанн (Маслов), схииеромандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. — М.: Самшит-издат, 2000. — 1180 с.
6. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 6. — Л.: Наука, 1989. — 669 с.
7. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 13. — СПб.: Наука, 1994. — Т. 13. — 541 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru